

Никитенко Юлия Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб. 7–9
yulianikitenko86@gmail.com

**ЭПИДЕЙКТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
ПОВЕСТВОВАНИЯ В СТИХОТВОРНЫХ МОНОЛОГАХ ДЖ. ХИГГИНСА
(«ЗЕРЦАЛО ПРАВИТЕЛЕЙ») И «ПАМЯТНИКАХ БРИТТОВ» Э. СПЕНСЕРА
(«КОРОЛЕВА ФЕЙ», КНИГА II, ПЕСНЬ X)**

В статье впервые в отечественном литературоведении сопоставляются фрагмент «Королевы фей» Э. Спенсера и монологи из «Зеркала правителей» Дж. Хиггинса, что позволяет выявить особенности организации поэтических произведений елизаветинской эпохи, предметом изображения которых является история. Основанием для сопоставления выбранных произведений, помимо стихотворной формы, послужили схожесть целевых установок авторов и хронологических рамок описываемых ими событий. Наибольшее внимание оба автора уделяют описанию начала британской истории, а также эпизодам, в которых основными действующими лицами являются женщины: истории Локрина и Гвендолены, Леира и Кордейлы.

Поскольку основными функциями и истории, и поэзии считались поучение и восхваление, предметом нашего анализа стала реализация в рассматриваемых текстах эпидейктической и дидактической функций, каждая из них присутствует в обоих текстах, но в монологах Хиггинса доминирует дидактическая, а в рассматриваемом фрагменте поэмы Спенсера — эпидейктическая функция. Хотя основная цель Хиггинса — наставление, повествование о царствовании первого правителя Британии Брута содержит панегирические ноты, прославляется как золотой век, за благополучием которого следует череда несчастий. Превозносит Британию Брута и Спенсер, называя ее империей, но еще в большей степени эпидейктическая функция проявляется в эпизодах с участием Гвендолены и Кордейлы. Эти героини изображены более самостоятельными, чем в текстах Хиггинса, Спенсер представляет их как хороших правительниц. Более того, анализ изложения Спенсером истории Локрина и Гвендолены показывает, что он не только по-иному, чем другие авторы, характеризует Гвендолену, но и допускает незначительные изменения в сюжете, чтобы изобразить героиню в более выгодном свете. Таким образом в «Королеве фей» рассказ о предках Елизаветы становится частью похвалы самой королеве. Библиогр. 13 назв.

Ключевые слова: Королева фей, Э. Спенсер, Зерцало правителей, Леир, Локрин, ренессансная историческая поэзия, эпидейктическая функция, дидактическая функция.

Nikitenko Yulia N.

Saint Petersburg State University,
7–9 Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034 Russia
yulianikitenko86@gmail.com

**EPIDEICTIC FUNCTION OF THE HISTORICAL NARRATIVE IN J. HIGGINS' VERSIFIED
MONOLOGUES ("THE MIRROR FOR MAGISTRATES") AND IN E. SPENSER'S "BRITON
MONUMENTS" ("THE FAERIE QUEENE", BOOK II, CANTO X)**

The article compares a part of Edmund Spenser's "The Faerie Queene" and the monologues added to "The Mirror for Magistrates" by J. Higgins. No one has published in Russian a comparison of these two works. This article establishes Elizabethan notions of the functions of historical writing as a theoretical context of the study. Since moralizing and praising were regarded as the main functions of history and historical poetry, the realisation of epideictic and didactic functions in the texts concerned became the subject of our analysis. Spenser and Higgins were contemporaries, they both were concerned with the same historical period, and they shared the same text as their main source — all these established

the grounds for our comparison. The earliest period of the British history and episodes where female characters were among the main actors, — the stories of Lochrine and Guendolene, Leire and Cordeile, — appeared to be the most important for both authors. The analysis showed that didactic and epideictic functions were realized in both texts, although not in the same degree. Moralising dominated in Higgins' monologues, while praising dominated in Spenser's text. Higgins believed the reign of Britain's first king Brutus was a prosperous golden age, followed however by a train of misfortunes by the depiction of which he teaches us the uncertainty of political life. Spenser also praised Brutus' Britain, calling it an "empire", but even more clearly epideictic function was realized in his account of the episodes with Guendolen and Cordeila. Having more independence than they were allowed in these texts, they were said by Spenser to be good rulers. Moreover, Spenser slightly transformed the story to present Guendolen more favourably. The poet there skillfully used a tale about Elizabeth I's ancestors to praise the Queene. Refs 13.

Keywords: Faerie Queene, E. Spenser, Renaissance historical poetry, Mirror for Magistrates, Lochrin, Leir, epideictic function, didactic function.

Елизаветинская эпоха была отмечена всплеском интереса к национальной истории. За рассказ о ней брались многочисленные авторы, по-разному выстраивавшие свои повествования. Среди произведений, написанных во время правления Елизаветы и посвященных различным периодам английской истории, можно назвать пьесы-хроники Уильяма Шекспира, драму Кристофера Марло «Эдуард II» (1594), поэмы Уильяма Уорнера «Английский Альбион» (1586), «Трагическую легенду о Роберте, герцоге нормандском» (1596) и «Героические послания Англии» (1597) Майкла Драйтона, «Первые четыре книги о гражданской войне» (1595) Сэмюэля Дэниела; трактаты Уильяма Кэмдена «Британия» (1586), «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (1577) Рафаэля Холиншеда, «Анналы» Джона Стоу (1580).

Говоря о текстах этого периода, трудно провести четкую грань между текстами «историческими» и «художественными» в современном понимании. Еще Е. М. Тиллиард и вслед за ним Р. Буркхардт отмечали, что, согласно ренессансным представлениям, у исторического сочинения и героической поэмы имелось несколько общих черт [Burkhardt 1975, p. 14–15]. Во-первых, предметом изображения обоих были деяния благородных людей прошлого. Так, например, в приписываемом Дж. Патнему трактате «Искусство английской поэзии» (1589) имеется такое определение героической поэзии: «пространные истории, повествующие о деяниях королей и великих правителей, в которых принимают участие также боги, полубоги и благородные герои, о великих и значительных последствиях войны и мира» [Puttenham 1869, p. 40]. Содержание исторического трактата также сводилось по большому счету к рассказу о деяниях правителей и «значительных последствиях войны и мира». В качестве примера такого исторического сочинения Буркхардт приводит «Историю Англии» (1534), написанную итальянским гуманистом Вергилием Полидором по заказу Генриха VII. Сходным представлялось и назначение истории и героической поэзии: служить моральным наставлением. Наконец, и исторический трактат, и героическая поэма могли быть использованы, чтобы воздать хвалу правителю. В качестве примеров поэтических произведений такого рода можно привести «Энеиду» Вергилия (29–19 гг. до н. э.), «Неистового Роланда» Ариосто (1532) и саму «Королеву фей». Примером исторического сочинения, восхваляющего правителя, может служить «История союза двух благородных и знатных семейств Ланкастеров и Йорков» Эдварда Хола (1548), представляющая союз Генриха VII и Елизаветы

Йоркской как благополучное завершение беспорядков, начавшихся во время царствования Генриха IV [Burkhart 1975, p. 15].

Однако ренессансные теоретики отмечали некоторые различия между историческим нарративом и героической поэзией. О них в «Защите поэзии» писал Ф. Сидни (1595). Следуя за Аристотелем, Сидни видел главное отличие между историком и поэтом в том, что первый связан фактами, обречен описывать «медный мир» действительности, второй же волен менять действительность, создавая произведения, наделенные большей дидактической силой [Сидни 1982, с. 153]. Таким образом, можно предполагать, что англичане, жившие в XVI в., воспринимали дидактизм и эпидейктику как характерные черты и героической поэзии, и историографии.

Рассмотрим теперь, как Дж. Хиггинс в монологах «Зеркала правителей» и Э. Спенсер в «Памятниках бриттов», хронике, вставленной в текст второй книги «Королевы фей», реализуют дидактическую и эпидейктическую функции, каким образом и с помощью каких приемов они организуют рассказ о британской истории.

На опосредованную взаимосвязь «Зеркала правителей» и «Королевы фей» указывал еще Дж. Фарнэм [Farnham 1926], отметивший сходство между изображением истории Локрина в «Зерцале правителей» и в анонимной пьесе «Печальная трагедия Локрина» (1595), которая, в свою очередь, по мнению многих исследователей, наложила отпечаток на рассказ о Локрине в «Королеве фей». Для сопоставления выбранных нами текстов есть еще несколько причин. Во-первых, они написаны примерно в одно время. Первое издание «Зеркала правителей» увидело свет в 1559 г., затем выходили многочисленные переиздания и дополнения. Анализируемый в данной статье вариант появился в 1574 г. Автором предисловия и дополнительных монологов выступил Джон Хиггинс. Его перу принадлежат 16 монологов, написанных от лица Альбанакта, Хумбера, Локрина, Эстрильды, Сабрины, Мадана, Малина, Мемприция, Бладуда, Кордилы, Моргана, Форрекса, Поррекса, Кимара, Моринда, Ненния¹. Первое издание «Королевы фей», включавшее интересующий нас фрагмент, вышло в 1590 г., тем не менее есть свидетельства, что Спенсер начал работу над поэмой задолго до этого [Elizabethan Critical Essays 1950, p. 115]. Во-вторых, оба автора в рассматриваемых текстах обращаются к одному и тому же периоду легендарной истории. Лишь один из главных героев шестнадцати добавленных Хиггинсом к «Зерцалу правителей» монологов отсутствует у Спенсера. В-третьих, у Хиггинса и Спенсера был один и тот же основной источник — «История бриттов» (ок. 1136) Гальфрида Монмутского. В обращении к читателю, предваряющем написанные Хиггинсом монологи, он сообщает, что сведения о жизни своих персонажей черпал из «Истории бриттов» и хроники Ричарда Графтона (1568–1569) [Mirror 1815, p. 7]. Спенсер нигде не сообщает о своих источниках. К выводу о том, что основным источником британской хроники в «Королеве фей» также послужила «История бриттов», приходит К. Харпер. Несмотря на давность, ее монография до сих

¹ Там, где формы имен исторических персонажей, упоминаемых в данной статье, в монологах Хиггинса из «Зеркала правителей», «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского и рассматриваемом фрагменте «Королевы фей» разнятся незначительно, в целях единообразия мы будем придерживаться варианта написания, принятого в русском издании «Истории бриттов». Там же, где различия значительны, например Сабрина — Хабрен, принят вариант, встречающийся в соответствующем тексте.

пор является авторитетной и цитируется современными исследователями. Харпер подкрепляет свой вывод двумя аргументами. Спенсер почти полностью следует за ходом изложения Гальфрида, упоминая тех же правителей (за исключением Артура, что объясняется сюжетом «Королевы фей», и Гидерия, правление которого совмещено в «Памятниках» с правлением Кимбелина). Еще одно отступление от текста Гальфрида — рассказ о восстании Боудикки. Собственные имена героев хроники Спенсера ближе всего по форме к тем, что использует Гальфрид [Harper 1910, p. 32–33].

Не только хронологические рамки, источник и стихотворная форма дают повод для сопоставления выбранных нами фрагментов «Королевы фей» и «Зеркала правителей». Оба произведения роднит концепция текста как зеркала. Как отметил в стихотворном авторском предисловии Хиггинс: *A Mirroure well it might bee calde, a glasse / As cleare as any christall vnder Sun* («Зерцалом можно ее [книгу] назвать, зеркалом / более ясным, чем любой кристалл на свете») [Mirror 1815, p. 17]. Спенсер тоже сравнивает свою поэму с зеркалом, предлагая королеве Елизавете увидеть в этом зеркале свое собственное отражение (F. Q.: III, pr, 5)².

Древняя хроника «Памятники бриттов» является частью второй книги «Королевы фей», имеющей название «Легенда об Умеренности», и предваряется рассказом о поисках ее принцем Артуром. Тема умеренности (Temperance) подчеркивается и на композиционном уровне — Артур находит хронику в замке Альмы — средоточии этой добродетели. [Spenser 1859, p. 77]. Примечательно, что в предисловии к «Зеркалу правителей» Хиггинс также писал об умеренности. В первых же строках он приводит высказывание Плотина: *The property of Temperance is to couet nothing which may be repented: not to excede the bands of measure, nad to kepe Desire under the yoke of Reason* («Умеренность заключается в отсутствии желаний, в которых можно раскаяться, в том, чтобы не превышать границ меры, держать Желание под ярмом Разума»). Затем Хиггинс поясняет связь цитаты с исторической темой: *to couet without consideration, to pass the measure of his degree, and to let will run at random is the only destruction of alle states* («желать необдуманно, преступать границы допустимого и позволять воле действовать бесконтрольно — вот причина крушения всех правлений») [Mirror 1815, p. 3–4]. Хвалу умеренности Хиггинс далее подкрепляет ссылками на «князя философов» Аристотеля, который называл осмотрительность (Prudence) (видимо, Хиггинс отождествляет ее с умеренностью, поскольку слова Аристотеля он приводит, размышляя об умеренности) источником всех остальных добродетелей, и Цицерона, определявшего умеренность как знание вещей, которых нужно желать либо избегать [Mirror 1815, p. 4].

Цицероновское определение, переданное Хиггинсом, созвучно представлениям елизаветинцев об одной из функций поэзии. Например, согласно «Размышлениям об английской поэзии» Уильяма Уэбба (1586), поэзия должна превозносить добродетели, порицать порок и воздавать хвалу тому, что похвально [Webbe 1870, p. 38]. Об этом же пишет и Ф. Сидни в «Защите поэзии», более того, он идет еще дальше, утверждая, что поэзия влияет на действия человека, подталкивает его к совершению хороших поступков и заставляет избегать дурных [Сидни 1982, с. 176].

---

² В ссылках на текст «Королевы фей» приведены через запятую номер книги, песни, строфы. В случае, если цитируются строфы предисловия, вместо номера песни указано «рг» (proem).

Итак, в предисловии Хиггинс обращает внимание на дидактическую функцию истории и предписывает дидактизм своим стихам. Урок, который содержится в самой истории и в поэтическом произведении, заключается в том, что отсутствие умеренности приводит к плачевным последствиям.

Дидактическая функция присуща и «Королеве фей». В предисловии к первому изданию Спенсер заявляет, что его основная цель — «наставить джентльмена или благородную особу в добродетели и утонченности» (*to fashion a gentleman or noble person in virtuous and gentle discipline*) [Spenser 1859, p. ix]. Помимо дидактической, одной из важнейших в «Королеве фей» является функция эпидейктическая, о чем свидетельствуют слова посвящения, предваряющие поэму. В начале десятой песни второй книги, в которой излагается содержание «Памятников бриттов», поэт говорит о знаменитых предках своей королевы, «чьи благородные деяния под северной звездой / Бессмертная Слава навечно начертала» (*Whose noble deeds above the northern starre / Immortal Fame forever hath enrold*) (F. Q. : II, x, 1–4). В придворных кругах почитание королевы нередко граничило с идолопоклонством, отношение протестантов к этому было настороженным [Quitslund 2000, p. 29]; в контексте этого противоречия рассказ об английских правителях прошлого, и, следовательно, о предках королевы, является формой эпидейксиса, «страхующей» от обвинений в идолопоклонстве.

В «Королеве фей» слава, стремление к славе — естественный атрибут правителя, и потому вовсе не обязательно приводит к отрицательным последствиям. Так, Глориана, альтер эго Елизаветы в «Королеве фей», по сути персонифицирует славу. Принц Артур, обладающий моральным совершенством, стремится к славе (аллегорическому воссоединению с любимой им Глорианой). Взгляды Хиггинса на этот счет противоположны: в предисловии он приходит к выводу, что именно стремление к славе становилось главной причиной гибели правителей прошлого.

Несмотря на все параллели, необходимо, конечно, отдавать себе отчет в том, что мы имеем дело с текстами, совершенно различным образом организованными. Содержание «Памятников бриттов», лишь небольшой части объемной поэмы, изложено автором, который находится вне описываемых событий. В «Зерцале правителей» рассказ идет от лица самих исторических персонажей, обрамляющие эти монологи авторское введение и заключение по сравнению с ними занимают намного меньше текстового пространства.

Спенсер ориентируется в своей стилизации скорее на средневековые образцы — если не на подлинные хроники, то на историческую поэму в духе «Брута» Лайамона (ок. 1205), сочетавшего «традиции англосаксонского героического эпоса и французской куртуазной литературы» [Алексеев 1984, с. 119]. В то же время можно предположить, что взгляд Хиггинса был прежде всего устремлен на традицию античную и итальянскую: «Героиды» Овидия (ок. 5 г. до н.э.) и «О несчастиях знаменитых людей» Боккаччо (ок. 1360).

Некоторые исторические эпизоды в тексте Хиггинса более значимы, с ними связано несколько монологов, повествующих о событии с разных точек зрения. Такими весомыми эпизодами являются история о Локрине и его любви к Эстрильде, разворачивающаяся в монологах Локрина, Эстрильды, Сабрины, короля гуннов Хумбера; две истории, в основе которых сюжет о братоубийстве: Малине и Мемприции и Форрексе и Поррексе, где рассказчиком поочередно является каждый

из братьев; и, наконец, история короля Леира и Кордейлы, рассказанная Кордейлой и Морганом (монолог Моргана связан с историей Кордейлы, поскольку он рассказывает о ее конце), причем монолог Кордейлы является одним из самых длинных, он занимает 49 строф, превышает этот объем только рассказ Альбанакта, его большая половина, однако, посвящена истории Брута.

Сходным образом распределяются текстовые объемы и в «Памятниках бриттов»: в 12 строфах рассказывается о начале Британии и правлении Брута, по 6 отведены историям о Локрине и дочерях Леира. Поскольку «Памятники бриттов» содержат намного меньше текста, чем «Зерцало правителей», то речь здесь идет о совершенно других масштабах: на одного правителя у Спенсера почти никогда не приходится больше двух строф, поэтому можно заключить, что начало британской истории, равно как и рассказ о Леире и его дочерях и история Локрина, занимают в обоих текстах особое место.

Цель Хиггинса — показать несчастья правителей, поэтому все истории имеют печальный конец. Примеров хороших правителей, выступающих в качестве рассказчиков в монологах, не так много, среди них можно назвать разве что Брута и Кордейлу, которая была «мудрой королевой» (*so wise a Queene*) [Mirror 1815, p. 140]. Положительные примеры в «Памятниках бриттов» более многочисленны. Среди потомков Брута плохих правителей почти в два раза меньше, чем тех, кто либо охарактеризован как хороший правитель, либо только упоминается, без всякой характеристики. Такое соотношение больше сообразуется с намерением поэта воздать хвалу королеве, рассказывая о благородных деяниях ее предков. Но все же и среди правителей, упоминаемых в «Памятниках бриттов», есть такие, как король Мадан, «недостойный своего рода» (*unworthy of his race*) (F. Q. II, x, 21).

«Памятники бриттов» повествуют о «меди» реальности, как говорил об этом Сидни. Идеальный вариант истории, некая абсолютная модель, располагается за пределами «Памятников бриттов». В «Зерцале правителей» тоже присутствует такой идеальный вариант истории, но он воплощен не в смене правителей, а в одном правлении, правлении первого короля Британии Брута. Времена его счастливого царствования — нечто вроде золотого века, который вследствие неумолимого бега времени, приносящего неминуемые изменения, однажды подошел к концу [Mirror 1815, p. 87]. Поскольку Хиггинс объявил своей целью показать несчастья правителей, он не мог сделать рассказчиком первого монолога благополучно правившего Брута.

В «Памятниках бриттов» почти ничего не сообщается о прошлом Брута до прибытия на Альбион. Хиггинс в «Зерцале правителей», напротив, посвящает этому 43 строфы, почти половину монолога Альбанакта. Описание первобытного состояния, в котором находилась британская земля, в обоих текстах создает диаметрально противоположное впечатление. У Спенсера это «дикая глушь, безлюдная, нецивилизованная, безвестная, лишенная хвалы» (*salvage wilderness, / Unpeopled, unmannurd, unprovvd, unpraysd*) (F. Q.: II, x, 5), у Хиггинса — «обетованная земля», вид ее услаждает взор, там так прекрасны леса, реки, источники, так чист воздух, так умерен климат (*The country seemed peasaunt at the vewe <...> So fine were woods, and Flouds, and Fountaines set, /So clearre the ayre, so temperate the clime*) [Mirror 1815, p. 34].

Спенсер сразу же называет королевство Брута империей (F. Q.: II, x, 10). Подобное патриотическое преувеличение свойственно и Хиггинсу. Описывая, как Брут правил островом, Альбанакт вдруг восклицает: «Остров, сказал я? нет, скажу мир внутри другого мира» (*An Ile sayd I? nay nam'd the world throughout / Another world*) [Mirror 1815, p. 87].

Мы видим, что обоим авторам не чужды патриотические настроения. В «Зерцале правителей» хвала Британии сочетается с мотивом золотого века. В то же время негативное описание природы острова и его жителей, которое дает Спенсер в 5–9 строках десятой песни Книги II, вероятно, призвано подчеркнуть цивилизующую роль Брута и его соратников, которые превратили «дикую глушь» в империю.

В каждом из рассматриваемых текстов важное место занимают эпизоды, связанные с женщинами-правительницами. Возможно, это обусловлено тем, что оба автора творили в то время, когда английский престол занимала женщина и, следовательно, существовала необходимость осмысления темы женской власти.

История о Гвендолене и смерти Локрина в «Зерцале правителей» в сюжетном плане полностью следует за Гальфридом. Согласно Гальфриду, еще до победы над Хумбером Локрин обещал Коринею, что возьмет в жены его дочь Гвендолену. Одолев Хумбера, он влюбляется в одну из захваченных пленниц, Эстрильду. Узнав об этом, разгневанная Кориней принуждает его исполнить обещанное, и Локрин женится на Гвендолене, но, не будучи в силах противиться страсти, посещает Эстрильду тайно, боясь навлечь гнев Кориней. После его смерти Локрин провозглашает Эстрильду королевой. Тогда Гвендолена поднимает мятеж и захватывает власть. Единственная характеристика, которую дает ей Гальфрид, — «неистовая и яростная». Локрин погибает, пронзенный стрелой, а Эстрильду и ее дочь от Локрина Гвендолена приказывает бросить в реку [Гальфрид Монмутский 1984, с. 20–21].

В «Зерцале правителей» Локрин — утонченный вельможа, мучимый любовью к Эстрильде, предающий любовь Гвендолены, — погибает от стрелы, пронзившей его сердце [Mirror 1815, p. 59]. О характере Гвендолены можно составить представление по рассказам от лица Эстрильды и Сабрины, следующим за историей Локрина. В них дважды упоминается «кровавый тигриний взгляд» (*cruell Tigers eie; Tiger's looke*) Гвендолены [Mirror 1815, pp. 69, 71]. Взгляд Гвендолены подобен пламени [Mirror 1815, p. 71], мотивом ее действий дважды названа ревность, она полна гнева, ярости и кровавой ненависти [Mirror 1815, pp. 70, 71, 83]. В «Королеве фей» Гвендолена предстает в более выгодном свете. Локрин влюбляется в Эстрильду, будучи уже женат на Гвендолене, и нет оснований считать, что он женился на ней против своей воли. Он слишком горд победой, для описания его отношений с Эстрильдой употребляются слова *vain* «тщеславный», *voluptuous* «сладострастный», *lewd* «похотливый», *wanton* «распутный» (F. Q.: II, x, 17). Гвендолена всегда была «верной ему» *faithfull*, она характеризуется эпитетом *noble* «благородная» (F. Q.: II, x, 18). Гвендолена выступает предводительницей войска. Если в «Истории бриттов» и «Зерцале правителей» она собирает войско, то в «Королеве фей» говорится, что она сама также принимает участие в битве (F. Q.: II, x, 18). После смерти Эстрильды и ее дочери Гвендолена правит страной, пока ее сын Мадан еще мал. Поэт называет ее «славой жен» *glory of her sex*, первой, что «научила мужчин повиноваться женщинам» *first taught men men a woman to obey* (F. Q.: II, x, 20).

Можно предположить, что в истории Эстрильды и Гвендолены елизаветинцы видели противостояние Елизаветы и Марии Стюарт, симпатии протестантских авторов традиционно были на стороне Гвендолены [Бурова 2015, с. 182]. Вполне вероятно, что история Гвендолены и Эстрильды у Спенсера также ассоциировалась с противостоянием английской и шотландской королевы, образ Гвендолены, созданный поэтом, безусловно, оказывается положительным.

В истории о Леире и его дочерях в «Памятниках бриттов», и в «Зерцале правителей» главным героем является скорее Кордейла. В целом рассказанное в «Памятниках бриттов» совпадает с тем, что мы находим в «Истории бриттов» Гальфрида и в «Зерцале правителей», за исключением нескольких деталей. В «Истории бриттов» муж Кордейлы Аганипп собирает войска, а потом Леир возвращает себе царство. После его смерти Кордейла правит в мире 5 лет. Восставшие племянники, досадуя, что власть над всей Британией принадлежит женщине, заточили Кордейлу «в темницу, где, удрученная потерей королевства, она наложила на себя руки». [Гальфрид Монмутский 1984, с. 24–26]. В «Зерцале правителей» Кордейла, испросив помощи у своего супруга, помогает отцу вернуть престол, который занимает после его смерти. Племянники отваживаются напасть на нее только после смерти мужа [Mirror 1815, p. 132] — эта деталь показывает Кордейлу еще более зависимой от мужской силы [Mirror 1815, p. 135–138]. Локрин у Хиггинса и Гальфрида тоже отважился оставить Гвендолену только после смерти Коринея. В заточении Кордейла лишает себя жизни. В рассказе Спенсера даже не упоминается о действиях супруга Кордейлы Аганипа. Она собирает армию, чтобы помочь отцу (FQ.: II, x, 31), она возвращает ему королевство (FQ.: II, x, 32). После смерти отца Кордейла правит в мире, «держа сердца всех людей в должном повиновении» (*all mens harts in dew obedience held*) (FQ.: II, x, 32). Восстание племянников у Спенсера никак не связано с кончиной мужа Кордейлы.

Подводя итоги, отметим, что оба текста, сообразно с представлениями позднетюдоровской эпохи, провозглашают своей целью наставление, в обоих проявляется эпидейктическая функция, реализуемая в прославлении древнего прошлого Британии, которая уже тогда была «империей», «целым миром». Хиггинс сконцентрирован на изображении неудач правителей — это отчасти обуславливается требованиями избранного им жанра и его целью. У Спенсера среди потомков Брута находятся и успешные правители, хотя и они не идеальны. Характерно, что в исторических эпизодах, к которым с большим вниманием отнеслись оба поэта, особую роль играют женщины, при этом героини Спенсера более самостоятельны: это женщины, способные быть хорошими правителями, способными вести за собой войско. Как видно из истории о Локрине, Спенсер не только прибегает к эпитетам, но и меняет сюжет, чтобы в более выгодном свете представить героиню. Рассказ о предках Елизаветы в «Памятниках бриттов» становится частью похвалы самой королеве, а сильные женские образы выступают отчасти в качестве аргумента в пользу идеи женской власти.

Источники

Гальфрид Монмутский 1984 — Гальфрид Монмутский. *История бриттов. Жизнь Мерлина*. Бобович А. С. (ред.). М.: Наука, 1984. 286 с. — (Литературные памятники)

- Сидни 1982 — Сидни Ф. *Астрофил и Стелла. Защита Поэзии*. Володарская Л. И. (ред.). М.: Наука, 1982. 367 с. — (Литературные памятники)
- Mirror for Magistrates 1815 — *Mirror for Magistrates*: In 5 vols. Vol. 1. London: Lackington Allen & Co., 1815. 479 p. (англ.)
- Elizabethan Critical Essays 1950 — *Elizabethan Critical Essays*: In 2 vols. Vol. 1. London: Oxford Univ. Press, 1950. 431 p. (англ.)
- Puttenham 1869— Puttenham G. *The Arte of English Poesie*. London: Murray, 1869. 320 p. (англ.)
- Spenser 1859 — Spenser E. *The Faerie Queene*. New York: Appleton and Co., 1859. 832 p. (англ.)
- Webbe 1870 — Webbe W. *Discourse of English poetry*. Arber E. (ed.). London: Bloomsbury, 1870. 96 p. (англ.)

Литература

- Алексеев 1984 — Алексеев М. П. *Литература средневековой Англии и Шотландии*. М.: Высшая школа, 1984. 351 с.
- Бурова 2015 — Бурова И. И. “Легенда о Локрине и ее интерпретация в английской литературе Елизаветинского периода”. *Филология и культура*. 40 (2), 2015: 181–185.
- Burkhardt 1975 — Burkhardt R. E. “History, the Epic and the ‘Faerie Queene’”. *English Studies*. 56 (1), 1975: 14–19. (англ.)
- Farnham 1926 — Farnham W. “John Higgins’ “Mirror” and “Lochrine.”” *Modern Philology*. 23 (3), 1926: 307–313. (англ.)
- Harper 1910 — Harper C. A. *The Sources of the British Chronicle History in Spenser’s “Faerie Queene”*. Philadelphia: John C. Winston, 1910. 210 p. — (Modern Philology) (англ.)
- Quitslund 2000 — Quitslund B. “Elizabethan Epideixis and the Spenserian Art of State Idolatry”. *The European Legacy*. 5 (1), 2000: 29–48. (англ.)

Для цитирования: Никитенко Ю. Н. Эпидейктическая функция исторического повествования в стихотворных монологах Дж. Хиггинса («Зерцало правителей») и «Памятниках бриттов» Э. Спенсера («Королева фей», Книга II, Песнь X) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 4. С. 544–553. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.404>

Text sources

- Гальфрид Монмутский 1984 — Galfridus Monemutensis [Geoffrey of Monmouth]. *Istoriia brittov. Zhizn’ Merlinia* [A history of British Isles. Life of Merlin]. Moscow: Nauka, 1984. 286 p. — (Literaturnye pamjatniki) (Russian)
- Сидни 1982 — Sidney Ph. *Astrofil i Stella. Zashchita Poezii* [Astrophel and Stella. An Apology for Poetry, or The Defence of Poesie]. Moscow: Nauka, 1982. 367 p. — (Literaturnye pamjatniki) (Russian)
- Mirror for Magistrates 1815 — *Mirror for Magistrates*: In 5 vols. Vol. 1. London: Lackington Allen & Co., 1815. 479 p. (English)
- Elizabethan Critical Essays 1950 — *Elizabethan Critical Essays*: In 2 vols. Vol. 1. London: Oxford Univ. Press, 1950. 431 p. (English)
- Puttenham 1869— Puttenham G. *The Arte of English Poesie*. London: Murray, 1869. 320 p. (English)
- Spenser 1859 — Spenser E. *The Faerie Queene*. New York: Appleton and Co., 1859. 832 p. (English)
- Webbe 1870 — Webbe W. *Discourse of English poetry*. Arber E. (ed.). London: Bloomsbury, 1870. 96 p. (English)

References

- Алексеев 1984 — Alekseev M. P. *Literatura srednevekovoi Anglii i Shotlandii* [Literature of England and Scotland in the Middle Ages]. Moscow: Vysshaya shkola, 1984. 351 p. (Russian)
- Бурова 2015 — Burova I. I. “Legenda o Lokrine i ee interpretatsiia v angliiskoi literature Elizavetinskogo perioda [Legend about Lochrine and its interpretation in the English literature of the Elizabeth’s era].” *Filologiya i kul’tura — Philology and Culture*. 40 (2), 2015: 181–185. (Russian)
- Burkhardt 1975 — Burkhardt R. E. “History, the Epic and the “Faerie Queene.”” *English Studies*. 56 (1), 1975: 14–19. (English)

- Farnham 1926 — Farnham W. “John Higgins’ “Mirror” and “Lochrine.”” *Modern Philology*. 23 (3), 1926: 307–313. (English)
- Harper 1910 — Harper C. A. *The Sources of The British Chronicle History in Spenser’s “Faerie Queene”*. Philadelphia: John C. Winston Publ., 1910. 210 p. — (Modern Philology) (English)
- Quitslund 2000 — Quitslund B. “Elizabethan Epideixis and the Spenserian Art of State Idolatry”. *The European Legacy*. 5 (1), 2000: 29–48. (English)

For citation: Nikitenko Yu. N. Epideictic Function of the Historical Narrative in J. Higgins’ Versified Monologues (“The Mirror for Magistrates”) and in E. Spenser’s “Briton Moniments” (“The Faerie Queene”, Book II, Canto X). *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 4, pp. 544–553. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2017.404>

Статья поступила в редакцию 16 августа 2016 г.
Статья рекомендована в печать 9 февраля 2017 г.